

ГЛАВА 4. ГОРА БАЙХУЭЙ

Так называемый «рок восьми одиночеств» — это клеймо на самой судьбе. Человек, рождённый под этой звездой, обречён провести жизнь в абсолютной пустоте: без отца и матери, без братьев и сестёр, без друзей и, что самое страшное, без любви.

Кто бы мог подумать, что моё земное воплощение окажется столь несчастным «багом»? Вечно хмурый Эрлан-шэнь твердил, что это моё испытание. Какое там испытание! Очевидно же: они просто составили план моего перерождения на коленке, даже не взглянув в свитки судьбы. Но если я сам себе не помогу в такой безнадежной жизни, то кто тогда поможет?

Проблема лишь в том, что я понятия не имею, где нахожусь.

Ранним утром, обнаружив, что все обитатели нашей конуры уже разошлись, я протёр глаза и выбрался из нищенского притона. Потянувшись до хруста в костях, я доковылял до крепостного рва, чтобы умыться. В зеркальной глади воды, среди склонившихся ив, отразилось нечто ужасающее: всклокоченные волосы, лицо в пятнах грязи, одежда — сплошное рваное недоразумение. А вонь... вонь от меня исходила такая, что святых выноси.

Эх, думаете, мне самому это нравится?

С того дня, как меня затянуло в Зеркало Реинкарнации, я очнулся здесь. Мало того что лишился всех сил, так ещё и превратился в это пугало. Единственное, что уцелело — старая деревянная шпилька, но и та, кажется, пришла в негодность.

Больше всего меня изводил поиск моего перерождения. Я не знал ни его имени, ни места жительства. Видения в зеркале обрывались на его детстве. Прошло ли с тех пор достаточно времени? Может, он только родился, а может, уже почил в бозе? Даже если мне повезёт встретить его ребёнком, я, честно говоря, уже и забыл, как он выглядел. Память удержала лишь мимолётный образ. Ищи теперь ветра в поле.

Каждый божий день я бродил по улицам, вглядываясь в лица прохожих. Стоило мне увидеть кого-то особенно измождённого, как я тут же приставал с вопросом:

— Послушай, добрый человек, а у тебя в детстве родители, часом, не померли?

Одни принимали меня за сумасшедшего, другие — люди менее терпеливые — сразу переходили к делу. Один такой крепыш, хорошенько отпинав меня, прорычал:

— Это у тебя мать померла, урод!

Я же просто спросил... Зачем так кипятиться?

Бедное моё смертное тело. Мало того что пришлось заново привыкать ко всем этим земным нуждам — еде, сну и прочему, — так ещё и регулярно проходить через суровые испытания кулаками.

Впрочем, жаловаться грех: нищие из моей лачуги ко мне благосклонны. Выделили даже место для сна, пусть прямо над ним и протекала крыша. Зато по ночам можно было любоваться небом. В одиночестве мысли всегда путаются: то я вспоминаю тех четверых стариканов-предателей, то Небесный чертог, где пробыл всего ничего, то Цин-ди... то самого себя, которого так и не встретил.

Когда на небе зажигаются звёзды, на душу порой наваливается тоска. Но сдаваться нельзя. Умывшись, я снова отправился в путь.

Навстречу шёл какой-то мужик.

— Братец, — окликнул я его, — скажи на милость, а у тебя вся семья уже перемерла?

Он тут же ударил меня в правый глаз.

— Ты вчера это уже спрашивал! — буркнул «братец».

Надо же, старые знакомые.

Хоть я и обзавёлся фингалом, пыл мой не угас. Я преградил дорогу какому-то пареньку:

— Малыш, а твои родные часом не на том свете?

Откуда-то издалека с криком вылетела разъярённая женщина. Она от души приложилась мне во второй глаз и разразилась проклятиями:

— Сам ты покойник, и весь род твой — покойники! Сяо Бао, пойдём отсюда быстрее!

Женщина утащила мальчугана, оставив меня — с двумя чёрными кругами вокруг глаз — продолжать свою безнадёжную битву.

К сумеркам один из моих соседей по притону, глядя на мою распухшую, как свиное рыло, физиономию, хмыкнул:

— Ну и рожа. С таким видом не быть нищим — просто преступление против таланта.

Кажется, это был комплимент.

— Да уж, это точно, — покорно согласился я.

Вокруг дружно захохотали.

Наступила ночь. Я съел свою долю провизии — хлеб явно отдавал кислятиной, но это лучше, чем урчащий желудок. Однако вскоре выяснилось, что пустой желудок всё же приятнее. К середине ночи я бегал до отхожего места уже пять раз. Ноги стали ватными, силы иссякли, и в итоге я решил просто остаться дежурить у входа в уборную. И едва присел — снова началось.

Когда я выбрался наружу в шестой раз, я так дрожал, что стоять было невозможно. Я поднял голову: на небе сияла луна, звёзды мерцали... Кто бы мог подумать, что у нужника можно так славно любоваться ночным небом? Найдя место почище, я растянулся на земле, пытаюсь найти хоть какую-то радость в своём плачевном положении.

Полная луна казалась всё больше и ближе. Вдруг на фоне её диска промелькнули две тени. Я подскочил, протирая глаза. Неужели с моим зрением что-то не так? Неужели я вижу Чанъэ и У Гана?

Действительность оказалась прозаичнее: тени принадлежали обычным воришкам. Наша лачуга примыкала к богатому поместью господина Вана. Старик Ван на людях изображал благодетеля, раздавая беднякам рис, но на поверку крупа всегда оказывалась либо прелой, либо заплесневелой. Впрочем, голодным выбирать не приходилось, так что многие по привычке рассыпались в благодарностях. Об этом мне прожужжали уши соседи — они и сами кормились подачками Вана, прекрасно зная цену его «добrote».

Я своими глазами видел, как те двое перемахнули через забор. Любопытство взяло верх, и я осторожно двинулся следом. Но у ворот замер: двери заперты, а лазать по стенам я не мастер. Поразмыслив немного, я принял волевое решение.

Вернуться спать.

В конце концов, ловить воров — не моё дело. Не бросаться же мне на них с голыми руками, крича: «Дерзкие разбойники! Как вы смеете воровать под носом у Великого бессмертного Ляня? Именем Небесного чертога я покараю вас!»

Я почесал затылок и пожал плечами. Я ведь не идиот.

Ближе к утру на улице поднялся невообразимый гвалт — ловили воров. Весь город стоял на ушах, спать стало невозможно. Позже пошли слухи: мол, кто-то подглядывал за молодой женой господина Вана, пока та принимала ванну. Я тут же вспомнил те две тени и подивился:

— Какая нынче наглая пошла молодёжь.

Кто-то из нищих тут же поддакнул:

— И не говори! Говорят, они даже на мужчин в бане заглядываются. Вкусы у этих «цветочников» — страньше некуда...

— Скорее уж, их вкусы точь-в-точь как у господина Вана!

Я совсем запутался и тихо переспросил:

— Погодите... каких ещё мужчин?

Один из стариков-нищих рассмеялся:

— Ты только и умеешь, что продохлых родителей выспрашивать, а простых вещей не знаешь! Новая жёнушка Вана — известный на весь Цзяннань актёр по имени Хун Сян. Красив так, что любая женщина обзавидуется!

«Красивее женщины».

Меня аж передёрнуло. Сразу вспомнился тот демон персика. Если бы не та штуковина между ног, он бы сошёл за самую соблазнительную девицу на свете. Впрочем, красота — сомнительный дар, от поклонников отбоя не будет. Взять ту же персиковую заразу: с самого детства он охмурил всех змей, насекомых и крыс в округе Пещеры Шуйин. Даже древесных духов и фей-бабочек не пощадил, а те и рады были за ним бегать. Ума не приложу, о чём эти демоны думают — никакого самоуважения.

То ли дело я. У меня хотя бы есть высокая цель — божественный Цин-ди.

Пока я предавался размышлениям, мой многострадальный живот снова заурчал. Пришлось опять тащиться к нужнику. Но стоило мне распахнуть дверь, как я замер: внутри сидел мужчина с окровавленной рукой.

Лицо у него было худощавое, волевое. В лунном свете кожа казалась болезненно бледной, губы — узкими и алыми. Он в упор смотрел на меня взглядом, в котором сквозила ледяная решимость, пугающая своей неподвижностью.

Вдруг я почувствовал резкий удар по затылку. Мир качнулся, я рухнул на землю, но из-за слабости от расстройства желудка сознание не потерял. До меня донёсся голос другого человека:

— Глава, дело сделано... Что с этим побирушкой?

— Он видел моё лицо, — раздался хриплый, низкий голос. — Убей его.

«Видел — значит, смерть?» Не дождётесь.

Я вскочил, игнорируя их ошеломлённые мины, и ткнул пальцем в того, первого:

— Это ты занял место и не даёшь мне облегчиться! Сидишь там, как сыч, хоть бы пискнул для приличия! Откуда мне было знать, что там кто-то есть? Ну увидел я тебя, и что с того? Да я через минуту забуду, как ты выглядишь! У нас с тобой нет никакой вражды, с какой стати ты собрался меня убивать?!

Снова тяжёлый удар сзади.

Я опять растянулся в пыли.

В животе всё ещё бушевал ураган, но я, держась за ноющую шею, снова поднялся на ноги:

— Да больно же, чёрт возьми!

На этот раз они не на шутку поразились моей живучести. В этот момент слышались крики стражников. Раненый, видя, что я по-прежнему полон сил, внезапно схватил меня за шиворот и потащил за собой, легко перемахивая через препятствия.

Видя, как мой заветный нужник скрывается вдаль, я издал вопль, полный нечеловеческой боли:

— За что ты так со мной?! Зачем ты меня от него увёл?!

Живот скрутило так, что я готов был лезть на стену, скрипя зубами от муки. Когда они, наконец, остановились у лесной хижины, я, воспользовавшись моментом, пока меня бросили в углу и занялись перевязкой, выскочил наружу. Найдя подходящие кусты, я предался самому упоительному занятию на свете.

Едва я поднялся и сделал шаг, как у самого горла блеснуло холодное лезвие. Меч неизвестного мастера сверкал так ярко, что у меня перехватило дыхание. Я застыл, боясь шелохнуться.

— Кто ты такой? — раздался из темноты хриплый голос.

На кону была жизнь, так что я решил рубить правду-матку:

— Я человек, который просто хотел в туалет, случайно наткнулся на тебя, был похищен, а

теперь ты ещё и пришить меня хочешь ни за что!

Всё как на духу.

Мужчина вышел из тени. Свет луны упал на его лицо — он был на голову выше меня и смотрел с нескрываемым холодом.

— Кончай паясничать. Говори правду!

«Да куда уж правдивее?» Стал бы я играть со смертью в прятки. Я не отрывал взгляда от клинка, всерьёз опасаясь, что одно неосторожное движение — и моя голова покатится по траве. Возвращение в Небесное царство — дело десятое, но вот так глупо умереть, не выполнив обещание помочь своему перерождению... Это было бы верхом несправедливости.

Видя, что я молчу, он явно вознамерился покончить со мной. К счастью, я успел уклониться, но лезвие всё же срезало прядь моих всклокоченных волос. Деревянная шпилька вылетела и каким-то чудом оказалась в руках того человека. Я кинулся было за ней, но он преградил мне путь мечом, прижав к стволу дерева.

— Мы с тобой не враги, — прохрипел я. — Зачем ты убиваешь невинных?

— Невинных? — он холодно усмехнулся. — В этом мире полно тех, кого убивают без всякой причины.

— Может и так, но это не значит, что я мечтаю пополнить их список.

Я всё-таки божество, негоже мне пресмыкаться перед смертным. Он на мгновение замолк. Вдруг в лесу послышался шум, и мужчина, сорвавшись с места, исчез в ночи.

Лишь спустя минуту до меня дошло: моя шпилька осталась у него!

— Эй! Постой! — закричал я вслед. — Верни моё добро!

Подарок жадного Фэн-бо пропал. Чем больше я об этом думал, тем сильнее закипала злость. Я во что бы то ни стало должен вернуть свою вещь.

Но была одна загвоздка: где я? Я не знал, в какую глушь меня занесло, а уж где искать того воришку — и подавно.

Постепенно начало светать. Когда первые лучи солнца пробились сквозь листву, лес ожил: запели птицы, небо окрасилось в нежные тона. Тишина лесной глуши не казалась пугающей —

я всегда любил аромат живой зелени.

Я брёл наугад, едва переставляя ноги, и в какой-то момент, зазевавшись, оступился. Земля ушла из-под ног, и я с плеском рухнул в бурный поток. Вода, ледяная от тающего снега, неслась с такой силой, будто стремилась поскорее покинуть эти края. Меня швыряло на камни, и я никак не мог выплыть.

Наконец, мне удалось ухватиться за огромный валун. Заметив на берегу старушку, стиравшую бельё, я из последних сил закричал:

— Бабушка! Помогите! Вытащите меня!

Старушка, кажется, услышала. Она торопливо нашарила рядом какую-то одежду и швырнула её в воду, но промахнулась.

— Милок, ты где? — позвала она.

«Да прямо перед тобой!» — хотел было крикнуть я, но осёкся. Глаза её были неподвижны. Неужели она слепая?

— Я здесь! — проорал я во всё горло.

Старушка кивнула и на этот раз бросила одежду точно туда, куда нужно.

— Схватил!

Она упёрлась ногами в берег, удерживая край ткани, а я, борясь с течением, начал карабкаться к суше. Если бы не эта тряпка, поток точно утащил бы меня на дно. Выбравшись на берег, я распластался на траве, тяжело дыша. Старушка наощупь нашла меня и помогла подняться.

— Милок, пойдём скорее в дом. Ты же продрог до костей.

Мне и впрямь было не до шуток. Она нашла для меня какую-то мужскую одежду. Вещи были великоваты, но вполне сносные. Я удивился, откуда у неё мужское платье, и она, печально улыбнувшись, ответила:

— Это вещи моего сына. Рука не поднимается выбросить, вот и берегу.

Поняв, что задел за живое, я виновато опустил голову:

— Простите, бабушка...

— Ничего, — она мягко погладила меня по руке. — Много лет прошло, я привыкла. Расскажи лучше, как ты в реку-то угодил?

Я неловко почесал затылок:

— Да вот, заблудился ночью в лесу. Думал, днём дорогу найду, а сам в воду свалился...

— В лесу?

— В том, что неподалёку...

Идти мне было некуда, а помирать с голоду не хотелось. Глядя на добрую старушку Попо, я решил, что лучшего пристанища не найти.

— Видите ли, бабушка... — начал я плести небылицу, — родителей я лишился ещё в детстве, рос с дедом. Помню только, что зовут меня Лянь. Перед смертью дед оставил мне шпильку — сказал, по ней я смогу найти младшего брата, с которым нас разлучили. Вот я и отправился в путь. Но вчера ночью двое лиходеев затащили меня в лес, отобрали шпильку и бросили там... Теперь у меня ни зацепки, ни дома.

Всё это было почти правдой — такова была судьба моего воплощения, я лишь добавил немного красок и приплёл шпильку Фэн-бо.

— Надо же! И это прямо на горе Байхуэй! — Старушка была искренне возмущена. Она ласково похлопала меня по спине. — Не горюй, милочка. Если не побрезгуешь жить со слепой старухой, оставайся у меня.

Хоть она и не видела, я широко улыбнулся и кивнул. Ведь её сердце чувствовало мою радость.

Услышав, как урчит мой живот, старушка рассмеялась и велела присесть, пока она готовит обед. Я порывался помочь, и она, поколебавшись, согласилась. Разведение огня, возня с дровами и котелками — всё это было для меня в новинку, я то и дело ошибался, но Попо терпеливо учила меня. Когда всё было готово, я накинулся на еду, но заметил, что старушка не спешит притрагиваться к своей порции.

— Что такое? — спросил я, перестав жевать. — Не нравится?

— Напротив, — она улыбнулась. — Просто когда-то я так же сидела и слушала, как ест мой сын... Давно я не слышала этих звуков.

Я подхватил палочки и с удвоенным рвением принялся уплетать рис, сияя масляными губами:

— Бабушка, у вас золотые руки!

Раньше я думал, что смертные едят лишь ради выживания, но теперь понял: иногда еда — это само настроение.

Так я и остался жить у Попо. Она рассказала, что мы находимся на горе Байхуэй. Сразу за перевалом лежит городок Ванху, а по ту сторону горы стоит Крепость Байхуэй. Там живут смельчаки, которые грабят богатых и помогают бедным. Сын старушки тоже когда-то был одним из них.

— После его смерти ребята из крепости не забывают меня. Приходят, помогают по хозяйству, приносят гостинцы к праздникам. Приятно знать, что на старости лет я не одна, — продолжала она. — Они за справедливость горой стоят. На днях как раз должны спуститься. Если что нужно — скажи им, они обязательно помогут.

«Крепость Байхуэй?» — подумал я. По описанию больше похоже на разбойничье гнездо.

Однажды, вернувшись после заготовки дров, я обнаружил старушку без сознания на полу. Лечить я не умел, поэтому, не раздумывая, взвалил её на спину и со всех ног бросился по прибрежной тропе к городку Ванху. На душе было тревожно. Перед глазами стояла её одинокая, но добрая улыбка и те вкусные обеды, что она готовила. Откуда-то взялись силы бежать без остановки до самого выхода из ущелья.

Добравшись до Ванху, я первым делом ввалился в ближайшую лечебницу:

— Спасите её! Помогите! — закричал я лекарю.

Но в суматохе я забыл об одной важной детали: за лечение в земном мире нужно платить.

— У меня нет денег, — признался я, когда лекарь прямо спросил об оплате. — Но вы обязаны ей помочь!

Лекарь, поглаживая козлиную бородку, окинул меня цепким взглядом:

— Кем она тебе приходится?

— Бабушка спасла меня, когда я тонул, — ответил я, глядя на бледную Попо. — Она делила со мной хлеб, она добрейшей души человек! — Я твердо встретил взгляд лекаря. — Сейчас у меня ни гроша, но клянусь: как только появятся деньги, я всё верну!

— И долго мне ждать твоего «как только»? — хмыкнул он.

Тут я прикусил язык. Действительно... сколько? Даже я не знал. Лекарь внезапно отвернулся:

— Не верю я в обещания. Либо деньги сейчас, либо... Впрочем, мне как раз нужны кое-какие травы, а времени на сборы нет.

— Я соберу! — тут же выпалил я. Это мне было под силу.

Он протянул мне листок со списком. Как бывший цветочный бессмертный, я узнал названия трав — на горе Байхуэй их было в достатке. Собрать их не составляло труда, но расти они могли в самых разных местах, так что пришлось бы изрядно побегать, чтобы набрать нужное количество. Впрочем, я об этом не думал. Схватив рецепт, я крикнул лекарю:

— Только вылечите её! Обязательно вылечите!

И, подхватив корзину, я помчался обратно в горы. Весь день и всю ночь, пока глаза не начали слипаться от усталости, а тьма не скрыла тропы, я собирал травы. Обливаясь потом, бережно уложив каждую былинку, я на рассвете примчался к лечебнице в Ванху. Доктор как раз собирался открываться. Увидев меня, он степенно погладил бороду:

— А ты крепкий орешек. Вернулся всё-таки.

Я проследил за его взглядом — Попо уже пришла в себя. Я бросился к ней:

— Бабушка, вам лучше?

Она похлопала меня по руке, в глазах её блеснули слёзы:

— Золотой ты ребёнок...

Уходя с Попо, я краем глаза заметил, как лекарь едва заметно усмехнулся в бороду, но не придал этому значения. Усталость навалилась свинцовым грузом. Стоило нам вернуться, как я рухнул на кровать и мгновенно провалился в сон.

На следующее утро я проснулся с ощущением липкой грязи на коже — вчерашний пот давал о себе знать. Решив привести себя в порядок, я разделся и зашёл в реку. Прохладная вода нежно заскользила по телу, прозрачные капли заблестели на коже, как рассыпанный жемчуг.

Я поднял голову: утренний туман на горизонте смешался с первыми лучами солнца, окутывая изумрудные склоны гор призрачной дымкой. Место казалось поистине сказочным, почти

божественным. Я заврожённо смотрел на своё отражение в воде, погружая руки в поток. Было так приятно чувствовать, как живая, ласковая струя щекочет ладони.

Я заигрался с водой, щурясь от бликов света, как вдруг краем глаза уловил движение. Резко обернувшись, я оцепенел: прямо за моей спиной стоял человек. Сквозь золотистое сияние рассвета я ясно разглядел его лицо.

Это был он. Тот самый мужчина, что украл мою деревянную шпильку.

<http://bllate.org/book/17534/1700812>